

ству сложной проблематики предшествующего религиозного поколѣнія. Въ силу пережитого опыта современная молодежь боится сложности и проблематичности, тяготеетъ къ элементарности и простотѣ, направляетъ свою волю на осуществленіе практическихъ задачъ. Въ извѣстной ея части есть реакція противъ мистики и романтики, противъ усложненнаго гнозиса, противъ эсхатологическихъ настроеній. Поколѣніе начала XX вѣка вынесло на своихъ плечахъ трудную работу преодоленія стараго интеллигентскаго міросозерцанія, прошло длинный духовный путь, вернулось въ отчій домъ, какъ блудный сынъ, и внесло въ свое христіанство всю сложность своей духовной культуры, поставило съ большой остротой проблемы, которыя имѣютъ значеніе для далекаго будущаго и для вѣчности. Наше религиозно-философское теченіе обращено къ поколѣніямъ болѣе далекаго будущаго и, если проблемы имъ выдвинутыя не интересуютъ поколѣніе современное, то этимъ нисколько не опредѣляется еще оцѣнка этихъ проблемъ по существу. Мы защищали аристократизмъ духовной культуры, аристократизмъ мысли, защищали то, что представлялось бесполезнымъ и ненужнымъ. Но современное поколѣніе «справа» также отрицаетъ духовный аристократизмъ, также не принимаетъ іерархизма, въ силу котораго и непонятное и ненужное имѣетъ значеніе для всей лѣстницы жизни, какъ раньше онъ отрицался русской интеллигенціей «слѣва». Отрицаніе духовнаго аристократизма, отрицаніе сложности мысли, безкорыстнаго созерцанія и творческой проблематики есть большевизмъ, и большевизмъ этотъ есть повсюду, онъ есть у «правыхъ», есть и у нѣкоторыхъ евразійцевъ. Этимъ я нисколько не отрицаю, что отдѣльные представители евразійства являются высоко культурными и духовно тонкими людьми.

Неуваженіе къ человѣческой мысли, къ человѣческому творчеству, неблагодарность къ духовной работѣ предшествующихъ поколѣній, нежеланіе почитать даже великихъ своихъ людей есть русскій грѣхъ, есть неблагородная черта въ русскомъ характерѣ. Нигилизмъ остается въ русской крови, онъ такъ же проявляется «справа», какъ и «слѣва», такъ же возможенъ на религиозной почвѣ, какъ и на почвѣ материалистической. Русскіе ультра-православные люди такъ же легко готовы низвергнуть Пушкина, какъ низвергали его русскіе нигилисты. Русскіе люди съ легкостью откажутся отъ Достоевскаго и разгромятъ Вл. Соловьева, предавъ поруганію его память. Сейчасъ иные готовы отречься отъ всей русской религиозной мысли XIX в., отъ самой русской мессіанской идеи во имя иступленнаго и нигилистическаго утвержденія русскаго православія и русскаго націонализма. Но быть можетъ всего нужнѣе для насъ утверждать традицію и преемственность нашей духовной культуры, противодѣйствуя нигилистическимъ и погромнымъ инстинктамъ, преодолевая нашу татарщину, нашъ большевизмъ. Русскимъ людямъ нужно прививать благородное почитаніе творческихъ усилій духа, уваженіе къ мысли, любовь къ человѣческому качеству.

Я старался указать на отрицательныя и опасныя стороны евразійскихъ настроеній, но я нисколько не отрицаю положительныхъ сторонъ и заслугъ этого теченія и несомнѣнныхъ качествъ нѣкоторыхъ статей послѣдняго евразійскаго сборника. вмѣстѣ съ тѣмъ я признаю, что въ новомъ, пореволюціонномъ поколѣніи вырабатывается новый типъ религиозно-національной интеллигенции, болѣе здоровой и реалистической, болѣе закаленной духовно и преодолевшей рефлектирующую раздвоенность. Въ этой выработкѣ принимаютъ участіе и евразійцы.

Ник. Бердяевъ.

ЕПАРХІАЛЬНЫЙ СЪѢЗДЪ ВЪ МОСКВѢ ДЛЯ ВЫБОРОВЪ ЧЛЕНОВЪ СОБОРА 1923 Г.

Я, мірянинъ, выборщикъ отъ перваго Пречистенскаго Сорока (благочинія 26 церковей Арбатскаго и Пречистенскаго района) на Московскій Епархіальный съѣздъ 23 апрѣля с. г. для избранія членовъ

Всероссійскаго помѣстнаго собора 1923 г., свидѣтельствую здѣсь правду о томъ, какъ происходилъ этотъ съѣздъ, правду, поправную въ газетныхъ сообщеніяхъ въ Москвѣ.

Это былъ настоящій крѣпкій, православный съѣздъ, выбранный свободно и законно. Выборы въ Соборъ были трех-степенные. Каждый храмъ выбиралъ одного мірянина и одно духовное лицо, эти выборщики, собравшись по благочиніямъ, выбирали двухъ мірянъ и двухъ духовныхъ на Епархіальный съѣздъ, который долженъ былъ выбрать 8 членовъ Собора — равное число мірянъ и духовенства. Большая половина съѣзда была отъ губерніи, гдѣ выборщиками отъ мірянъ были почти исключительно крестьяне. Никому, конечно, заранѣе не былъ извѣстенъ составъ съѣзда — извѣстно только, что живую церковь въ Москвѣ прихожане, молча, отвергаютъ. И въ тѣхъ приходяхъ, гдѣ священники перешли въ Живую Церковь, они стараются это скрыть отъ своихъ духовныхъ дѣтей, тамъ же, гдѣ священники назначены Высшимъ Церковнымъ Управленіемъ, прихожане хотя и посѣщаютъ храмъ, но выражаютъ свое отношеніе, напримѣръ, тѣмъ, что принимая отъ священника благословеніе, не цѣлуютъ ему руку.

Засѣданіе Съѣзда происходило въ Троицкомъ подворьѣ, въ бывшихъ патриаршихъ покояхъ. Теперь тамъ находится Высшее Церковное Управленіе (ВЦУ, какъ они себя называютъ по манерѣ совѣтскихъ учреждений).

Подходя къ дому и взбираясь на лѣстницу, можно было читать расписанные на всѣхъ стѣнахъ и столбахъ печатные листки съ кандидатами на соборъ восьми лицъ. Это Живая Церковь (конечно, не общая, что это ея члены) пропагандировала своихъ кандидатовъ. Когда я вошелъ въ покои, залъ и гостинная были переполнены народомъ. Сѣхалось 360 выборщиковъ. Шумъ и волненіе стояли въ залахъ. Волновались больше всего крестьяне, среди мірянъ ихъ было большинство. Подойдя къ двумъ - тремъ группамъ, я понялъ, что они беспокоятся, не зная, кого выбирать на соборъ.

— Намъ нужно такихъ, чтобы догматы не трогали, — говорили крестьяне. — Во едину, святую, соборную и апостольскую — и больше ничего!

Этотъ членъ символа вѣры повторялся во всѣхъ углахъ собранія и чувствовалось, что онъ объединяетъ большинство.

— Но вѣдь у нихъ тоже, они говорятъ, единая, святая... сказалъ я одному мужику.

— У нихъ? — тотчасъ мягко оборвалъ

онъ меня — у нихъ живая, а у насъ святая я — вотъ отличіе!

Стояло много группъ и вездѣ искали, почти ловили и записывали кандидатовъ. Какъ только кто -нибудь высказывалъ нѣсколько критическихъ замѣчаній о Живой Церкви, всѣ окружающіе тотчасъ записывали его фамилію. Среди духовенства было много людей, молчаливо и сурово настроенныхъ съ худыми лицами и горящими глазами — они пришли сюда, какъ я понялъ послѣ, чтобы сказать правду въ глаза своимъ мучителямъ, — ибо каждый сказавшій теперь правду священникъ въ Россіи можетъ себя считать обреченнымъ въ тюрьму или къ разстрѣлу.

Чувствуя себя господами положенія, среди толпы весело сновали живоцерковники изъ молодыхъ діаконовъ (солидныхъ пока не было видно); они не почувствовали духъ Съѣзда и потому со всѣми заговаривали, какъ со своими.

— Такъ ты, протопопъ, поддержи, поддержи! — говорилъ одинъ изъ нихъ невысокому сельскому священнику.

Тотъ перво засмѣялся.

— А камилавочку вы мнѣ дадите? Вы вѣдь камилавочки за поддержку раздаете.

— Поддержи, поддержи! — уже смущеннымъ голосомъ пробормоталъ діаконовъ и, опустивъ глаза, побѣжалъ дальше.

— Такъ камилавочку, камилавочку пришли! — возбужденно кричалъ ему вслѣдъ сельскій протопопъ.

Членъ ВЦУ, назначенный Совѣтской Властью отвѣтственнымъ руководителемъ Съѣзда, протоіерей Красницкій (основатель и предсѣдатель Живой Церкви), притащивъ на середину залы патриаршее кресло и ставъ на него ногами, обращается съ рѣчью къ собранію. Но его тотчасъ нетерпѣливо перебиваютъ.

— Вы организованы! — кричатъ ему со всѣхъ сторонъ, — а мы еще нѣтъ. Дайте намъ сначала сорганизоваться.

Но Красницкій, стараясь преодолѣть недовольство Собранія, продолжаетъ говорить. Въ этихъ его первоначальныхъ рѣчахъ ярко чувствуется тактика Живой Церкви — онъ стараніе всѣхъ примирить и обольстить: все дадимъ, только признайте нравственную основу за революціей.

— Пять лѣтъ люди страдаютъ, — говоритъ Красницкій. — Изъ за чего? Къ чему всѣ эти мученія? Такъ легко сдѣлать, чтобы страданія оказались излишними. Эти

безполезные мученики! Сколько ихъ за эти годы!..

Но Красницкому не удается договорить, шумъ возрастаетъ, переходя въ беспорядокъ. Тогда онъ приглашаетъ членовъ Живой Церкви въ Патріаршую Церковь на предварительное совѣщаніе. Большинство Съѣзда выходитъ на дворъ и тамъ пытается сьорганизоваться.

Я отправился въ храмъ, чтобы послушать, что будутъ говорить представители Живой Церкви. Красницкій сталъ на амвонѣ спиной къ алтарю и его окружили человекъ пятьдесятъ духовенства (мірянъ почти не было). Прежде всего онъ прочиталъ резолюцію, которую нужно провести на Съѣздѣ (см. ниже).

— Итакъ, всѣ члены Живой Церкви обязываются проводить эту резолюцію заявляетъ онъ и предлагаетъ высказаться кандидатамъ на Соборъ.

Все это люди чрезвычайно благообразные, пожилые, видимо привыкшіе къ всеобщему почету, многіе съ академическими значками, нѣсколько профессоровъ Духовной Академіи *). Они ограничиваются краткими заявлениями, что Живая Церковь является истиннымъ выраженіемъ духа современной православной церкви, что старая тихоновская церковь, реакціонна въ политическомъ смыслѣ и въ этомъ ея коренное отличіе отъ Живой Церкви. Необходимо обновить Церковь, влить въ нее революціонный духъ. Вообще, характерная особенность ораторовъ Живой Церкви — совершенное отсутствіе эпитетовъ: христіанскій и религіозный и замѣна ихъ эпитетами: революціонный и трудящійся («и Христосъ былъ трудящійся»). **)

*) Между прочимъ, и Красницкій кончилъ Академію съ золотой медалью. На него смотрѣли, какъ на будущаго выдающагося миссіонера, столпъ православія.

**) Нужно представить себѣ всю пошлость этого слова «трудящійся» въ Совѣтской Россіи, все извращеніе его, чтобы понять, какой болью должно отзываться въ сердцѣ вѣрующаго наименованіе Христа трудящимся. На Остоженкѣ напр. приходскій священникъ, прекрасный ораторъ, получивъ отъ ВЦУ митру, заговорилъ къ ужасу прихожанъ такимъ языкомъ: «И вотъ толпы народа привѣтствуютъ Спасителя, говорилъ онъ въ Вербную Субботу, — толпы нищаго Іерусалимскаго

Основное же, что объединяетъ всѣхъ этихъ «обновленцевъ» это ихъ ненависть къ патріарху Тихону. Всѣ они настаиваютъ на неисчислимомъ его вредѣ для Церкви, обвиняютъ его въ томъ, что своимъ воззваніемъ о сопротивленіи выдачи церковнаго серебра онъ спровоцировалъ многіхъ мірянъ и духовенство и многіе убиты изъ за него.

— Не будемъ же изгоями революціи! — восклицаетъ одинъ ораторъ.

Красницкій торжественно возглашаетъ.

— Первый революціонный оберъ - прокуроръ Святѣйшаго Синода Львовъ.

Львовъ всячески старается доказать, что Соборъ 1917 года былъ не канониченъ. Это былъ мало того, что чисто политическій соборъ, но и узко - сословный, дворянскій. Львовъ называетъ цѣлый рядъ дворянскихъ фамилій, завладѣвшихъ «духомъ» Собора. Соборъ не только благословлялъ Корнилова въ его походъ на Петроградъ, но осуждалъ даже само Временное Правительство. И, наконецъ, дошелъ до такого беззаконія, что черезъ третье лицо предложилъ ему — Львову — выйти изъ членовъ Собора, грозя въ противномъ случаѣ исключеніемъ.

— Тогда я распустилъ Соборъ — говоритъ Львовъ. — И считаю, что вмѣстѣ съ уничтоженіемъ дворянства уничтожилось и всякое значеніе этого собора, а также и выборы патріарха!

Львовъ заканчиваетъ свою рѣчь слѣдующими афоризмами:

— Церковь — часть народа. Народъ русскій идетъ по революціонному пути. Нежеланіе православной церкви идти вмѣстѣ съ народомъ за революціей — смерть церкви. Заслуга Живой Церкви въ томъ что она вдвинула русскую церковь въ революціонное русло.

Долженъ сказать, что въ концѣ рѣчей членовъ Живой Церкви у меня появилось мертвое и тоскливое чувство, безнадежность давила на сердце.

И вдругъ какъ бы свѣжій воздухъ врывается въ храмъ. Масса народа — остальные выборщики — быстро заполняютъ церковь. Происходитъ живое движеніе, шумъ тревожный, но ободряющій. Сначала всѣ громко поютъ Христосъ Воскресе! Рядомъ съ Красницкимъ появляется

народа, подстилаютъ одежды подъ ноги Его и Онъ грядетъ на ослати — настоящій трудящійся элементъ!..»

фигура одного изъ выборщиковъ отъ мірянъ. Это слѣпой. Внезапно его громкій, бичующій голосъ прорѣзываетъ Собрание.

— Тысячу лѣтъ, восклицаетъ онъ, — Россія исповѣдуетъ православныя догматы — такъ неужели этимъ захватчикамъ (онъ повелъ рукой къ Красницкому) мы позволимъ нарушить нашу святыню. Говорятъ, что церковь православная отклонилась отъ какого-то тамъ пути, Церковь не можетъ отклониться отъ пути, она непогрѣшима! Обвиняютъ патріарха, что онъ не позволилъ поганить священные сосуды, такъ развѣ это преступленіе? Говорятъ о необходимости идти рука объ руку съ совѣтской властью, да развѣ могутъ христіане идти рука объ руку съ тѣми, кто объявляетъ всѣ религіи опіумомъ для народа!

Громкимъ, одобрительнымъ шумомъ собраніе выражаетъ свое отношеніе къ оратору. Фамилія этого слѣпца — онъ былъ записанъ первымъ кандидатомъ на Соборъ отъ беспартійныхъ мірянъ — Царевъ.

Тревожный шумъ не смолкаетъ, переходитъ въ какое-то нетерпѣливое ожиданіе. Раздаются голоса: отецъ Дмитрій Боголюбовъ, отецъ Боголюбовъ!

Высокій, мощный человѣкъ, извѣстный петроградскій, потомъ кievскій миссіонеръ, отецъ Дмитрій Ивановичъ Боголюбовъ, пробирается черезъ толцу народа къ Красницкому. Его слова вливаютъ сразу въ сердца величайшее успокоеніе и я даже скажу, умиленную радость. Онъ не только улавливаетъ духъ Собранія, но и находитъ тѣ слова, которыя объединяютъ всѣхъ. О. Боголюбовъ все время осѣняетъ себя широкимъ крестнымъ знаменіемъ*). Манера его обращенія къ слушателямъ исполнена сіяющей мягкости. На немъ какъ бы озареніе и это озареніе передается слушателямъ. У многихъ онъ вызываетъ слезы. Плачутъ старые мужики, нѣкоторые священники вытираютъ глаза.

— О чемъ этотъ шумъ? Почему такъ шумитъ Собраніе? — начинаетъ о. Боголюбовъ. — Что это? — протестъ? недовольство, борьба противъ кого — нибудь? Нѣтъ, это предсоборная тревога, это волнуется Церковь Божія — народъ — они

*) Въ противоположность членамъ Живой Церкви, которые почти совсѣмъ не крестятся. Когда у Введенскаго напр. спросили, отчего онъ не крестится, онъ отвѣтилъ: я не фарисей.

боятся, какъ бы ихъ не завели въ какое — нибудь болото. Положеніе всѣхъ православныхъ теперь тяжелѣе, чѣмъ евреевъ, когда они вышли изъ Египта. Передъ тѣми шелъ столпъ солнечный. Ихъ велъ Моисей, избранникъ Божій. Вотъ о чемъ мы должны молиться, чтобы появился у насъ избранникъ, свой Моисей, (при этихъ словахъ, какъ бы искра пробѣгаетъ по собранію — всѣ осѣняютъ себя крестнымъ знаменіемъ). Вождя нѣтъ у насъ! Всѣ у насъ въ разбродѣ. Неизвѣстно, за кѣмъ идти — только масса группъ спорящихъ. Нѣтъ ничего убѣждающаго въ программахъ, называющихъ себя новыми, церковью. Живая Церковь неустойчивая, прилаживающаяся къ сильному міра сего, вертлявая. На ея главныхъ представителяхъ лежитъ печать духовнаго помраченія. Однажды, напримеръ, я пригласилъ въ свою церковь митрополита Антонина, чтобы узнать, что даетъ она людямъ. Послѣ обѣдни прихожане обращаются ко мнѣ и высказываютъ свою крайнюю обиду, зачѣмъ я пригласилъ такого пастыря, который въ своей проповѣди называетъ алтарь шкафомъ. Я поѣхалъ къ митрополиту Антонину, думая, что произошло недоразумѣніе, но тотъ, къ моему изумленію, подтвердилъ, что алтарь — шкафъ. Можетъ ли такой странный человѣкъ быть духовнымъ водителемъ? Нѣтъ, всѣ эти новые люди — ничто! И они прибѣгаютъ къ произволу и насилію и называютъ ихъ революціонными преобразованиями. Но они должны будутъ дать строгій отвѣтъ предстоящему Собору. Пора стать на каноническія рельсы, съ которыхъ мы сошли. Нужно дѣйствовать въ союзѣ съ вселенской церковью и для этого намъ необходимо испросить благословеніе вселенскаго патріарха.

Необычайный восторгъ вызвала эта рѣчь среди слушателей. Опять съ глубокимъ воодушевленіемъ пропѣли Христосъ Воскресе. Раздались голоса съ предложеніемъ пропѣть о. Боголюбову многія лѣта, но Красницкій, возвысивъ голосъ, запрещаетъ это, и собраніе съ нимъ на этотъ разъ не споритъ. Отца Боголюбова выбираютъ въ предсѣдатели Съѣзда и даже Красницкій присоединяетъ свой голосъ къ этому избранію. Впрочемъ, тутъ же Красницкій заявляетъ, что такъ какъ онъ отвѣтствененъ за Собраніе, то онъ не можетъ уступить предсѣдательство и предлагаетъ о. Боголюбову занять мѣсто рядомъ съ собой. О. Боголюбову подають табуретъ и такъ на этомъ табуретѣ онъ

и просидѣлъ до конца, не будучи ни на одну минуту фактическимъ предсѣдателемъ Сѣзда.

Послѣ о. Боголюбова выступаетъ цѣлый рядъ ораторовъ, которые безбоязненно высказываютъ Красницкому и Живой Церкви свое возмущеніе ихъ всегдашнимъ насиліемъ, грозятъ имъ судомъ Собора. Красницкій стоитъ непоколебимо, онъ въ этотъ день не мѣшаетъ ораторамъ говорить. Одинъ провинціальный священникъ прочелъ ярко выраженный наказъ, данный ему посланнымъ его благочиніемъ, для прочтенія на Сѣздѣ. Рѣзко составленный наказъ морально уничтожаетъ Высшее Церковное Управленіе.

— Я предлагаю — говорить этотъ батюшка, по прочтеніи наказа, — немедленно произвести епархіальные выборы — мы первое законное собраніе Епархіи послѣ захвата власти живоцерковниками. —

— Это незаконно, — останавливаетъ его Красницкій, — я не позволю голосовать ваше предложеніе. Позвольте вашъ наказъ.

— Не давайте! Не давайте! — слышатся голоса — наказъ попадетъ въ ГПУ (чрезвычайку).

Но Красницкій быстро схватываетъ наказъ и прячетъ.

Выступаетъ молодой священникъ съ возбужденнымъ лицомъ. Онъ рассказываетъ, что обошелъ полтора версты, наблюдая и присматриваясь, что дѣлается по церквямъ.

— Вездѣ уныніе и недоумѣніе, разбродъ. Никто не можетъ уяснить себѣ, что такое эта Живая Церковь и зачѣмъ она образовалась. Нѣтъ никого, кто бы разъяснилъ. Пришелъ я, наконецъ въ Москву, къ очень извѣстному и уважаемому прежде протоіерею. Спрашиваю: что дѣлать? Не знаю, — говоритъ, — дѣлай, что хочешь!

— Какъ же это, прежде вы всегда все знали. — Наклоняется ко мнѣ, шепчетъ: видишь, всё по тюрьмамъ сидятъ. — Посмотрѣлъ я на него и говорю: — Да вамъ, такому старому и уважаемому человѣку первому бы въ тюрьму слѣдовало бы сѣсть для примѣра молодымъ. — Нѣтъ, боюсь! Да и уйди ты отъ меня Бога ради поскорѣй, заподозрятъ еще, что совѣщася. Пошелъ я къ другому такому же старому и уважаемому протоіерею — повторилось совершенно то же самое.

Выходитъ одинъ выборщикъ - мірянинъ.

— Неправда, что нѣтъ у насъ солнечнаго столпа! Гдѣ - то онъ спрятанъ. Поче-

му въ Пасхальную ночь, когда въ Таганрогѣ и многихъ другихъ городахъ церкви были запечатаны — почему чуть ли не вся Москва къ Свѣтлой Заутрени пошла въ Донской Монастырь? Туда и намъ нужно обратиться!

Въ этотъ день — 23 апрѣля — собраніе продолжалось съ утра до 9 час. вечера и было посвящено исключительно рѣчамъ ораторовъ. Въ минуты особаго подъема собраніе выражало свое состояніе духа гнѣвомъ: Христосъ Воскресъ! Царило возбужденное и радостное настроеніе. У крестьянъ былъ довольный видъ.

— Христа не продадимъ! — сказали мнѣ одинъ изъ нихъ, — не безпокойтесь.

На слѣдующій день, когда я пришелъ въ патриаршій храмъ, говорилъ митрополитъ Антонинъ. Онъ былъ въ бѣломъ клобукѣ, довольно нескладно сшитомъ и крестомъ наверху. Его рѣчь не отличалась увѣренностью. Онъ вздыхалъ, видимо, ему было трудно говорить передъ такимъ сѣздомъ. Нѣсколько разъ онъ безпомощно озирался, какъ бы набираясь силъ. Сравнительно съ Красницкимъ онъ произвелъ на меня впечатлѣніе болѣе доброе и мягкое. Личная ненависть Антонина къ Патриарху толкнула его на несчастный путь отпаденія отъ истинной церкви. Однако, афоризмы его звучали опредѣленно. Онъ скорбитъ о безбожникахъ, переполняющихъ Русскую Землю, о комсомольцахъ, но утверждаетъ, что при свободѣ вѣры мы должны считаться съ атеизмомъ, какъ съ фактомъ, и уважать чужое мірочувствіе, — ибо атеизмъ это тоже въ своемъ родѣ религія.

— Да, вы уже давно поступили въ лакеи къ атеизму! — говоритъ кто-то невдалекѣ отъ меня.

— Наша тактика должна быть миролюбивая, — продолжаетъ Антонинъ, — мы должны повернуться лицомъ къ революціи. Чтобы Совѣтская Власть къ намъ относилась хорошо, намъ нужно передъ нею заслужить. Чтобы комсомольцы перешли на нашу сторону, намъ нужно сдѣлаться друзьями революціи.

Послѣ Антонина снова выступаютъ оппозиціонные ораторы, но насколько въ теченіе предыдущаго дня рѣчи лились безпрепятственно, настолько сегодня онѣ затруднены. Въ разныхъ концахъ церкви, смѣшавшись съ выборщиками стоятъ дюжизе молодцы съ зычными голосами, съ типичными приемами современныхъ насильниковъ. Они все время рычатъ и обрываютъ:

Гражданинъ! гражданинъ! Собрание привыкшее ко вчерашней свободѣ, начинаетъ раздражаться. Красницкій ведетъ себя вполне опредѣленно. — Онъ прерываетъ на каждомъ шагу ораторовъ и нѣкоторыхъ лишаетъ слова. Одинъ мѣрянинъ, напимѣрь, говоритъ, что нужно обновить церковное сознание чувствомъ Евангельскаго завѣта, а не какимъ - то революціоннымъ порядкомъ.

— Лишаю васъ слова! — рѣзко прерываетъ Красницкій, — Вы желаете обновить Евангеліе. Этого я вамъ не позволю.

— Лишаю слова! — гремитъ Красницкій, и ему вторять дюжіе молодцы.

Это повторяется съ нѣсколькими ораторами, въ особенности, когда начинаютъ обсуждать резолюцію. Эта резолюція производитъ на всѣхъ подавляющее и отвратительное впечатлѣніе.

— Зачѣмъ резолюція, не нужно! — слышатся со всѣхъ сторонъ голоса.

Красницкій чрезвычайно горячится и вступаетъ въ ожесточенную борьбу съ Собраниемъ.

— Вѣдь мы пришли сюда на выборы, а не для обсуждения резолюцій. Проголосуйте сначала, хочетъ ли вообще съѣздъ выносить какую - нибудь резолюцію, — говорю я.

Красницкій сердито вскидываетъ на меня глаза.

— Я васъ понимаю! — кричитъ онъ, грозя мнѣ рукой, — я васъ очень хорошо понимаю!

— Я васъ тоже понимаю, — говорю я, — но вѣдь дѣло не въ этомъ. Потрудитесь пожалуйста, проголосовать.

— Нѣтъ, этого не будетъ! — сердито бросаетъ онъ, — резолюція должна быть принята!

— Это насиліе! — слышатся голоса.

Все чаще и чаще раздаются голоса: это насиліе! И къ этому вскорѣ начинаютъ прибавлять: Если такъ, мы уйдемъ! Мы всѣ уйдемъ!

Вообще къ началу голосованія, собрание очень утомлено. Два дня на ногахъ, стоятъ тѣсно прижавшись другъ къ другу локтемъ, скамей нѣтъ. Крестьяне громко жалуются, что они, прѣхавши въ Москву, должны были не спать всю ночь — негдѣ. Многіе не ѣли.

Безпомощность собранія ярко выражается въ предложеніи одного мѣрянина обратиться къ американцамъ за помощью, чтобы они, какъ свободолюбивый народъ, выхлопотали у кого слѣдуетъ возможность

свободно провести и окончить выборы. Предложеніе это послѣдовало вслѣдъ за выступленіемъ какого - то американца, прѣхавшаго пріѣтствовать Съѣздъ.

Передъ голосованіемъ резолюціи собраніе потребовало перерыва. Красницкій долго не соглашался, но когда собраніе заявило, что оно уйдетъ, онъ уступилъ.

Выйдя на дворъ, большинство выборщиковъ въ послѣдній разъ обсуждаетъ и спѣшитъ записать имена кандидатовъ въ списокъ отъ безпартійныхъ.

Всѣ очень недовольны и раздражены. — Въ тупикъ загнали! — слышится со всѣхъ сторонъ.

Я подхожу къ разнымъ группамъ и говорю, что вѣдь резолюція ужасна и если даже мы кое - что измѣнимъ, то она непремѣнно оставитъ какое - нибудь черное пятно, и мы будемъ отвѣтственны. Всѣ соглашаются, но безпомощно разводять руками.

— Таковъ ужъ совѣтскій порядокъ! — говоритъ одинъ батюшка, — безъ резолюціи не можетъ состояться ни одно собраніе.

При открытіи засѣданія Красницкій объявляетъ, что онъ допуститъ только двухъ ораторовъ — одного — за, другого — противъ резолюціи. Голосованіе по пунктамъ. Читается первый пунктъ.

1. Предстоящій помѣстный соборъ долженъ ясно и опредѣленно покончить двухсотлѣтній періодъ подчиненія церкви дворянскому самодержавію и положить начало дѣйствительной церковной свободѣ въ условіяхъ революціонной Совѣтской Россіи.

— Кто желаетъ говорить противъ? Выходитъ одинъ молодой человекъ.

— Я считаю — начинаетъ онъ, что принятіе подобной резолюціи совершенно излишне...

— Лишаю васъ слова — энергично бросаетъ Красницкій. — Это не обсужденіе даннаго пункта, васъ не просятъ высказываться принципиально.

— Итакъ, противъ резолюціи ораторовъ не находится, — торжественно заявляетъ Красницкій.

— Позвольте, — говорю я — предложить собранію измѣненную редакцію перваго пункта.

— Покажите! — протягиваетъ ко мнѣ руку Красницкій.

— Но вы не поймете — говорю я — и, обращаюсь къ собранію, читаю:

— Признавая, что Церковь Христова должна стоять внѣ политики, по отноше-

нію къ нынѣ существующей власти, мы признаемъ, что Кесарево должно быть отдано Кесарю, а Божіе — Богови.

— Но это совершенно не то, что есть въ резолюціи! — восклицаетъ Красницкій.

— Та же мысль, но выраженная иначе.

— Нѣтъ, это совершенное искаженіе перваго пункта. Довольно! Я не разрѣшаю это голосовать!

Происходитъ назначеніе четырехъ счетчиковъ для подсчета голосовъ. Два изъ нихъ тѣ дюжіе молодцы, о которыхъ я говорилъ.

— Голосованіе будетъ происходить простымъ поднятіемъ рукъ, — объявляетъ Красницкій.

Просятъ для точности, чтобы подсчетъ производился проходомъ въ двери, но Красницкій не соглашается.

— Кто за этотъ пунктъ? Поднимите руку.

Собраніе очень сгрудилось. Трудно произвести подсчетъ. Четыре счетчика, мысленно раздѣливъ всѣхъ на четыре части, начинаютъ считать. Въ той группѣ, гдѣ стою я, — отъ Красницкаго до колонны въ ширину и потомъ, съ конца церкви вдоль — я приблизительно просчитывалъ раньше — было человѣкъ сто. Половина изъ нихъ поднимаетъ руку. Счетчикъ — дюжій молодець, несмотря на трудность подсчета, оканчиваетъ его въ двѣ минуты.

— Сто семнадцать, — заявляетъ онъ.

— Неправда, неправда, не можетъ быть — говорятъ изъ нашей группы.

— Что за недовѣріе — кричатъ члены Живой Церкви.

— Сто семнадцать — торопится записать Красницкій — А у васъ?

— Пятьдесятъ два.

— У васъ? — 60 — У васъ? — Я еще не успѣлъ, трудно, — говоритъ растерявшійся сельскій батюшка.

— Это невозможно такъ возиться — досадливо ворчитъ Красницкій — все равно я записываю пятьдесятъ, столько же, сколько у другихъ. Итакъ, всего 279. Абсолютное большинство! Противоположныхъ голосовъ не къ чему и подсчитывать. Пунктъ принять. Оглашаю слѣдующій.

2. Въ теченіе двухсотъ лѣтъ дворянскаго самодержавія религиозное чувство русскаго народа систематически эксплуатировалось прежнимъ синодомъ и консисторскимъ строемъ въ опредѣленныхъ цѣляхъ, и пятилѣтнее управленіе церковью патріарха Тихона имѣло опредѣлен-

ную цѣль сохранить въ церкви старый синодальный и консисторскій бытъ въ надеждѣ возстановленія самодержавія. А потому московскій епархіальный съѣздъ духовенства и мірянъ постановилъ признать контръ - революціонную политику патріарха Тихона вредной, разрушительной для церкви, повлекшей за собой великое множество жертвъ и со стороны духовенства и со стороны мірянъ.

— Кто желаетъ высказаться противъ?

Выходитъ священникъ, одинъ изъ тѣхъ, которые пришли сюда, не боясь сказать правду. У него вдохновенное лицо и горящіе глаза человѣка, готоваго къ мученичеству. Онъ произноситъ короткую, но сильную рѣчь за патріарха и заканчиваетъ ее словами:

— Помните, если мы примемъ эту резолюцію и патріарха убьютъ, кровь его будетъ на насъ.

Противъ патріарха говоритъ какой - то членъ живой церкви, профессоръ духовной академіи. Рѣчь его не звучитъ горячо.

Красницкій, который самъ признаетъ, что это очень серьезный пунктъ, головуетъ иначе, чѣмъ въ первый разъ.

— Кто за пунктъ — направо, — кто противъ — налево (по отношенію къ Красницкому.)

Происходитъ сильное движеніе. Подобно шумному потоку, собраніе устремляется налево. Направо оказывается небольшая группа людей. Между стоящими налево и направо, какъ пропасть, образуется широкая полоса пустого пространства. Небольшое число воздержавшихся стоитъ позади. Направо, высоко поднявъ руку съ красными выборными билетами, стоятъ большей частью пожилые, протоіереи въ отличныхъ рясахъ, хорошо упитанные; много академическихъ значковъ; нагрудные кресты, словно только что вычищенные, блестятъ.

Нѣсколько укоризненныхъ возгласовъ слышатся изъ лѣвой группы.

— Неужели не стыдно?

Но еще выше поднимаютъ руку православные протоіереи.

Вдругъ раздается голосъ одного мірянина.

— О. Красницкій въ числѣ голосующихъ за резолюцію я вижу нашего приходскаго священника, котораго прихожане опредѣленно отказались выбрать за его принадлежность къ Живой Церкви.

Но Красницкій притворяется, что не слышитъ и суеться, приказываетъ сосчитать свои голоса.

Всего пятьдесят семь.

— Итакъ, — говорятъ Красницкій упавшимъ голосомъ и потерявъ апломбъ — противъ даннаго пункта видимое большинство голосовъ.

Въ это время къ нему подходитъ секретарь Живой Церкви, Скворцовъ и начинать что — то энергично шептать.

— Но, — говоритъ Красницкій встрепенувшимся голосомъ, — поступило предложение произвести поименное голосование.

Раздается взрывъ негодованія. Собрание сразу возбуждено до крайней степени.

— Доносчики! Невыносимое насиліе! Чрезвычайщики! Христопродавцы! — слышатся бурные голоса.

Но Красницкій, какъ утопающій за соломинку, схватывается за предложение и требуетъ поименнаго голосованія. Тогда нѣкоторые граждане предлагаютъ уйти (я въ томъ же числѣ).

— Мы выразили свое мнѣніе! Уже ясно, что мы не выльземъ изъ отвратительнаго болота.

Но большинство не соглашается. Они надѣются еще провести своихъ членовъ собора. Происходитъ длительный, неразрѣшающійся безпорядокъ.

Ко мнѣ обращается Скворцовъ и говоритъ съ ехидной улыбкой:

— Ну что жъ, мы высказались, что дѣятельность патріарха была вредной, теперь вы свое мнѣніе подписью удостовѣрьте, что дѣятельность патріарха полезная.

Въ это время Собрание, какъ уже нѣсколько разъ было въ теченіе этихъ дней, въ минуты затрудненій и тупиковъ, куда загонялъ Красницкій православныхъ, — Собрание какъ бы осѣненное начинаетъ пѣть «Христосъ Воскресе».

Красницкій разгоряченный, раздраженный, досадливо машетъ на собраніе руками, видимо желая не допустить пѣнія, но громкое и торжественное пѣніе заглушаетъ его слова, и онъ злобно поворачивается къ алтарю, подчиняясь общему движенію.

Послѣ пѣнія, возвысивъ голосъ, я говорю:

— Позвольте отъ лица голосовавшихъ противъ резолюціи выразить смыслъ этого голосованія. Неправда, что мы въ противоположность вамъ утверждаемъ, что дѣятельность патріарха была полезной. Мы только знаемъ, что дѣла патріарха, какъ дѣла ставленника Божія, подлежатъ суду Господа Бога. Одинъ Онъ знаетъ,

какъ поступалъ патріархъ правильно или неправильно, хорошо или плохо, а мы не компетентны.

При наступившей тишинѣ, я обращаюсь къ Красницкому.

— Помните, отецъ Красницкій, я давно уже хочу вамъ это сказать, помните, что вы отвѣтственны передъ Господомъ нашимъ Иисусомъ Христомъ, а не передъ совѣтской властью. И вы также, отцы православные, голосовавшие за революцію — не забывайте этого!

На одно мгновеніе мое обращеніе дѣйствуетъ подавляющимъ образомъ на членовъ Живой Церкви. И, какъ бы воспользовавшись этимъ мгновеньемъ, впередъ выступаетъ старый начетчикъ.

— Вотъ передъ Святымъ алтаремъ свидѣтельствую, что патріархъ никогда не высказывался противъ преобладающей власти. Всегда, когда я заговаривалъ съ нимъ, онъ отвѣчалъ: ты самъ знаешь, что говорить Апостолъ: нѣтъ власти еще не отъ Бога.

— То же, что происходитъ сейчасъ, — продолжаетъ начетчикъ, напоминаетъ мнѣ одинъ сказъ. Былъ нѣкогда могущественный царь, онъ умеръ и былъ закопанъ въ землю. И тогда между его сыновьями произошелъ великій споръ изъ за престолонаслѣдія. Дѣло уже почти доходило до смертоубійства. Но вотъ, догадавшись, сыновья идутъ къ Святому старцу. — Разрѣши кась, — просятъ они. — Выкопайте трупъ отца изъ могилы — приказываетъ старецъ, поставьте его спиной къ стѣнѣ и стрѣляйте въ него изъ лука. — Пустилъ стрѣлу старшій сынъ, — попалъ. Пустилъ стрѣлу второй сынъ, — попалъ. Но когда дѣло дошло до третьяго, онъ сказалъ: — Пусть лучше лишусь царства, чѣмъ выстрѣлю въ роднаго отца. — Такъ вотъ и Красницкій хочетъ насъ заставить стрѣлять въ отца нашего духовнаго.

Раздается всеобщій одобрителный шумъ.

Вдругъ Красницкій беретъ карандашъ и говоритъ:

— Хорошо! Я вычеркиваю этотъ пунктъ. — И онъ твердо и отчетливо ставитъ скобки и затѣмъ нѣсколько разъ перечеркиваетъ резолюцію.

Скворцовъ подбѣгаетъ къ Красницкому и проситъ слова. Но Собрание рѣшительно отказывается его слушать.

Красницкій требуетъ, чтобы выслушали оратора, но Собрание не хочетъ.

— Довольно! Устали! Пора приступить къ выборамъ! Резолюція отвергнута!

Въ это время, видя, что дѣло уже ясно, что избраніе списка отъ безпартийныхъ обезпечено, я позволилъ себѣ уйти со Съѣзда, такъ какъ долженъ былъ присутствовать, какъ свидѣтель въ гражданскомъ судѣ.

Когда я вернулся черезъ два часа, я не узналъ патріаршей церкви — какой — то какъ бы желтый, отвратительный сумракъ стоялъ въ храмѣ — почему — то мнѣ представилось, что именно такой же тяжкій свѣтъ разливался по землѣ, когда Распятое Тѣло Христа, уже испутившаго духъ, продолжало висѣть на древкѣ. По храму бродили фигуры, ихъ было мало и не было никого, съ кѣмъ я провелъ эти два дня.

— Что это дѣлается? — спросилъ я, подойдя къ группѣ передвижавшихся людей.

— Голосуютъ списокъ обновленцевъ, — вонъ тамъ Живая Церковь считаетъ своихъ.

— А гдѣ же о. Боголюбовъ?

— Да тамъ гдѣ — то сидитъ на скамьѣ позади.

— А всѣ остальные? А списокъ отъ безпартийныхъ?

— Да развѣ вы не знаете, что произошло?

Произошло вотъ что. Когда безпартийные подали свой списокъ съ кандидатами на соборъ, то Красницкій объявилъ перерывъ, во время котораго, послѣ краткаго совѣщанія своего комитета вызвалъ въ

особую комнату четырехъ кандидатовъ отъ безпартийнаго духовенства на соборъ и сказалъ имъ, что Комитетъ за то, что они зажигаютъ собраніе, исключаетъ ихъ со съѣзда. И если они сейчасъ не удалятся изъ храма, то вмѣсто собора отправятся въ ГПУ (чрезвычайку).

О. Боголюбовъ вышелъ къ собранію и со слезами, объявляя о словахъ Красницкаго, просилъ его не выбирать въ члены собора. Собраніе съ громкими криками негодованія повернулось и стало выходить изъ церкви. Но двери оказались внизу внезапно запертыми. Ихъ вышибли и разошлись.

Послѣ ухода большинства Съѣзда Красницкій снова голосовалъ отвергнутый и имъ самимъ зачеркнутый пунктъ резолюціи съ осужденіемъ патріарха. И онъ былъ принятъ.

Часть мірянъ оставалась до конца, не принимая участія въ Съѣздѣ.

Уходя, я подошелъ къ одному выборщику крестьянину и спросилъ:

— Ну что жъ вы недовольны, что приѣхали на Съѣздъ?

Онъ протянулъ руку къ алтарю и горько проговорилъ:

— Вотъ Господь свидѣтель — и зачѣмъ я только сюда попалъ? Ну, да Богъ насъ разсудитъ. Опять Христа распяли

П. К. Ивановъ.